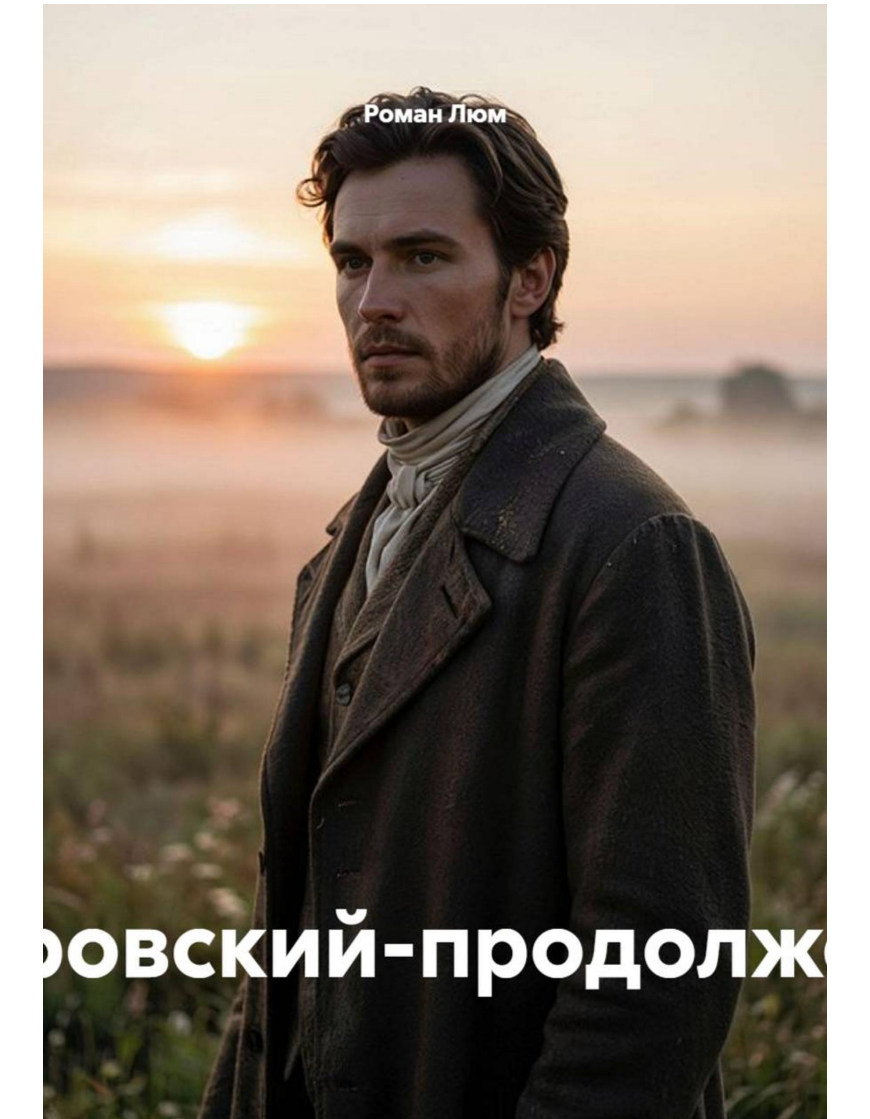

A portrait of actor Roman Lyub in a historical setting. He is wearing a dark, textured coat over a white cravat, standing in a field with a sunset in the background.

Роман Люм

ОВСКИЙ-ПРОДОЛЖ

Роман Люм

Дубровский-продолжение

<https://litres.ru/74668742>

SelfPub; 2026

Аннотация

Продолжение неоконченного романа А. С. Пушкина «Дубровский» (1833) — первая в России художественная версия финала, написанная в духе пушкинской прозы. Благородный разбойник Владимир Дубровский, потерявший и дом, и любимую, бежит в Европу под чужим именем. Он учится жить честно — без леса, без власти над людьми, без права назвать своё имя. Но прошлое не отпускает: письмо из России вынуждает его вернуться, чтобы спасти невиновного. На пути — чужая вина, старые счёты, неминуемая встреча с теми, кого он любил и кого покинул.

Десять глав, написанных строгим и прозрачным языком золотого века: тоска по родине, верность слову, цена свободы. История Маши Троекуровой, которая осталась верна своему браку, но не предала память. История Степки — мальчика, который ушёл за атаманом, чтобы найти собственную жизнь.

Произведение создано как самостоятельное художественное продолжение; оригинальный текст А. С. Пушкина не изменялся. Роман завершён в 10 главах (XX–XXIX).

Роман Люм

Дубровский-продолжение

А. С. Пушкин

«Дубровский»

Продолжение неоконченного романа

Самостоятельное художественное продолжение. Оригинальный текст А. С. Пушкина не изменён. Роман обрывается в главе XIX: Дубровский скрылся за границу. Дальнейшие главы (XX–XXIX) — новое произведение, созданное в 2026 году в духе пушкинской прозы.

Аннотация

Он скрылся за границу — и исчез. Последняя глава великого романа осталась недописанной. Но что было дальше? Продолжение неоконченного романа А. С. Пушкина «Дубровский» (1833) — художественная версия финала в духе пушкинской прозы. Благородный разбойник Владимир Дубровский, потерявший и дом, и любимую, бежит в Европу под чужим именем. Он учится жить честно — без леса, без власти над людьми, без права назвать своё имя. Но прошлое не отпускает: письмо из России вынуждает его вернуться, чтобы спасти невинного. «Снег шёл всю ночь. Утром дорога была бела и ровна, и ни один след не указывал, куда идти...

Он просто вышел на дорогу».

XX. Дорога

Дубровский покинул лес не в тот час, когда его покинула шайка, а несколькими днями позже. Он долго не мог решиться на последний шаг: ему казалось, что достаточно отойти на одну версту, чтобы ещё слышать голоса товарищей и, если понадобится, возвратиться к ним. Но лес, прежде служивший ему убежищем и крепостью, теперь стал походить на темницу, стены которой он сам возвёл.

Спутник его шёл впереди. То был Степка, уже не мальчик, которого прежде за песню бранила Егоровна, но ещё юноша, сохранивший ту же лёгкость и привычку поворачивать голову на всякий звук. Он был одет простым крестьянином, нёс за плечами узел и ни разу не спросил, куда они идут.

— Ты знаешь, что оставил? — спросил наконец Дубровский.

— Знаю, Владимир Андреевич.

— И всё-таки пошёл со мной?

— Вы меня не звали. Я сам пошёл.

Дубровский остановился. В ответе этом была та вольность, какой он не чаял от человека, привыкшего жить под его приказом. Степка не принадлежал ему; и это открытие было неприятнее, чем всякая опасность.

— Если ты ещё можешь возвратиться, — сказал он, —

возвращайся. Я не стану тебя удерживать.

— А если вернусь, меня спросят, где вы. Я отвечу, что не знаю. Это будет ложь.

— Ложь иногда спасает жизнь.

— Тогда лучше мне не учиться у вас правде, — отозвался Степка. — Я уже довольно выучился у вас другому.

Они пошли дальше. За лесом начинались поля, редкие деревни и дороги, на которых всякий незнакомый спрашивал, кто ты и откуда. Дубровский отвечал, что он приказчик купца, едущий по его делам, и называл имя, которое прежде не принадлежало никому из них. Степка держался молча и предоставлял говорить своему спутнику.

Первую ночь они провели в избе у мельника. Хозяин, узнав в Степке бывшего дворового, долго расспрашивал его о господах, о войне, о цене хлеба; Владимир слушал, как люди торгуются за муку и спорят о погоде, и удивлялся, что мир не замечает его бегства. На рассвете мельник попросил их помочь поднять на место сорванную половодьем доску. Степка взялся за работу, а Владимир сперва хотел отказать, потом снял кафтан и стал рядом.

К вечеру рука его заболела от непривычного труда. Мельник предложил им остаться ещё на день, но Дубровский отказался. Он не хотел, чтобы доброе участие незнакомого человека обязывало его к ответу, которого он не мог дать.

— Выходит, — заметил Степка, когда они снова остались одни, — что честная работа утомляет вас больше, чем скач-

ка.

— Она не требует, чтобы я помнил, кто за мной гонится.

— А это хуже?

Владимир не ответил.

На третью ночь они достигли большого тракта. Извозчики и подводы двигались по нему непрерывно; у постоянного двора толпились купцы, солдаты, мастеровые. Дубровский впервые подумал, что за границей его не знают, но и там он останется тем же человеком, который привык видеть в каждом встречном либо слугу, либо врага. Его товарищи разошлись по разным дорогам, и лишь один юноша следовал рядом с ним без клятв и приказаний.

— Ты можешь оставить меня и здесь, — сказал он.

— Могу, — ответил Степка. — Да только тогда мне придётся выбирать дорогу одному. А я пока не знаю, какую.

Они вошли в постоянный двор, где хозяин записывал приезжих. Дубровский назвал вымышленное имя и дал за себя поручительство серебряной монетой. В книге появилась первая строка его новой жизни; он смотрел на неё, словно хотел прочесть в ней приговор.

Ночью ему приснился лес. Он стоял у ворот укрепления, но не мог открыть их: по ту сторону никто не звал его. Проснувшись, он долго сидел у окна, пока не посерело небо. Степка спал на лавке, положив под голову узел. Владимир подумал, что в России осталась женщина, которая не пожелала идти за ним; оставались старуха, которую он не сумел

взять с собой, и люди, которым он обещал свободу. Его уход не отменял ни одного из этих обязательств.

Утром они пошли к западу.

XXI. Чужое имя

Пограничный город встретил их дождём, запахом мокрой кожи и глухим шумом телег. На улицах говорили по-русски, по-немецки и на иных языках, которых Дубровский не знал. В гостинице он назвался Александром Григорьевичем Горским; Степку записали его слугой, хотя оба понимали, что это имя не защитит их от долгого расспроса.

Первые дни Владимир не выходил без нужды. Он узнал, где находится русское представительство, какие дороги ведут к морю и где можно наняться к купцу. Ему требовались не новые товарищи, а занятие, которое заставило бы его прожить день за днём, не оглядываясь на лес. Он умел читать, писать, считать и говорить с людьми, но нигде не мог назвать подлинного места рождения.

Через неделю к хозяину гостиницы приехал русский купец, немолодой, грузный, с лицом человека, который привык больше доверять счетам, чем людям. Он вёз товары и письма от нескольких помещиков; при нём был сын лет двадцати, бледный после горячки. Купец услышал, как Горский поправил ошибку в счёте, и предложил ему временно вести книги: прежний приказчик занемог, а обоз должен был задержаться в городе.

Дубровский согласился не сразу. Он не хотел входить в чужие дела, но серебро подходило к концу, а Степка уже искал любую работу, за которую платили хлебом.

Купец оказался человеком справедливым, хотя и недобрчивым. Его звали Павлом Семёновичем Лариным. Он не спрашивал Горского о прошлом, но требовал, чтобы каждая цифра в книге имела основание. Дубровский, привыкший раздавать распоряжения, терпеливо переписывал накладные, выверял вес товара и отыскивал потерянные квитанции. Вечером у него уставали глаза; зато он впервые за долгое время знал, за что получил обед.

Однажды ночью молодой Ларин проснулся от сильного приступа лихорадки. В гостинице не было лекаря; хозяин послал за тем, кто жил при аптеке, но тот не явился. Дубровский сидел у постели больного и менял на лбу полотенце, пока Степка бегал за водой. Когда мальчик наконец уснул, купец, стоявший у двери, тихо сказал:

— Вы не похожи на приказчика.

— Я не всегда был им.

— И не похожи на разбойника.

Владимир посмотрел на него. Ларин не произнёс это как обвинение; он только наблюдал.

— Разбойник тоже иногда умеет сидеть у постели больного, — сказал Дубровский.

— Умеет. Но не всякий знает, зачем это делает.

На другой день сын купца встал. Ларин заплатил Горско-

му за работу и предложил продолжать путь с его обозом: у него имелись дела в нескольких городах и знакомые в приморском порту. Дубровский согласился. Ему казалось, что временное пристанище безопаснее, чем долгое пребывание в одном месте.

В дороге купец рассказывал о торговле, о ценах, о людях, которые разорялись не от бедности, а от гордости. Дубровский слушал и молчал. Однажды Ларин заметил, что он смотрит на русского мужика, чинившего колесо у обочины.

— Вы узнали его?

— Нет.

— А всё же смотрите так, будто должны ему денег.

— Может быть, и должен, — ответил Владимир.

В одном селении они остановились на несколько дней из-за сломанной оси. Дубровский мог уехать дальше, но узнал, что у местного старосты забрали единственную лошадь за недоимку, которой тот не должен был. Бумаги были составлены на чужое имя, однако почерк показался Владимиру знакомым: так писал один из бывших товарищей, умевший подделывать подписи. Теперь его сообщник промышлял не в лесу, а среди чужих людей, но дело его оставалось прежним.

Дубровский мог не вмешиваться. Он мог сказать себе, что оставил шайку и никому более не обязан. Он попросил у Ларина книгу счетов, сверил записи, нашёл подложную расписку и передал её местному судье. Старосте вернули лошадь; виновник исчез прежде, чем его успели допросить.

— Вы опять вмешались в чужую жизнь, — сказал Степка вечером.

— Не в чужую. В ту, от которой я пытался уйти.

— Тогда вы далеко не уйдёте.

— Может быть.

Ларин не спросил, зачем Горскому было нужно искать правду. Но перед отъездом он выдал Владимиру письмо к своему знакомому в приморском городе. Внизу стояло настоящее имя купца и поручительство за человека, которого он знал всего две недели.

Это была первая бумага, написанная о Дубровском не его врагом и не сообщником. Он сложил её и спрятал под подкладку кафтана.

XXII. Егоровна

Егоровна не захотела уезжать далеко. В первые дни после ухода Владимира она держалась в землянке и бранилась на всякого, кто предлагал ей покинуть лес. Она говорила, что пока в этих местах есть люди, помнящие её молодого барина, она будет ждать его возвращения. Но людей становилось всё меньше: одни ушли в дальние губернии, другие были схвачены, третьи разбежались по деревням.

Степка прислал ей через старого крестьянина короткую записку: Владимир жив и ушёл за границу. Ни слова о месте, ни слова о том, когда возвратится. Егоровна прочитала письмо дважды, потом свернула его и убрала в кошелёк.

— Ну, значит, у него хоть разуму хватило уйти, — сказала она. — А вам, братцы, теперь хватит разума не идти следом.

Оставшиеся люди слушали молча. Среди них был Матвей, широкоплечий крестьянин, прежде водивший отряд через лесные дороги, и Володин, человек с тонким лицом, который умел безошибочно отличить чужую печать от подлинной. Они не знали, куда теперь девать силу и смелость, к каким привыкли. У одних оставались деньги; у других — лишь одежда, оружие и привычка ночевать под деревом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.